

позиционной войны, освобождения и удержания под своим контролем части оккупированных территорий. На конец 1942 – начало 1943 г. в Беларуси действовало 430 партизанских отрядов, включавших в себя порядка 56 тыс. бойцов (при резерве в 150 тыс. человек), которые объединялись в бригады и соединения. Подобные массовые формирования позволяли проводить более масштабные, чем раньше партизанские операции, создавать и удерживать под своим контролем целые партизанские зоны, которых в Беларуси было более 20 (например, Полоцко-Лепельская, Борисовско-Бегомльская, Октябрьско-Любанская, Слуцко-Копыльская, Минская, Россонско-Освейская, Кличевская, Ивенецко-Налибокская и т.д.).

Последний этап партизанской борьбы охватывает период с осени 1943 г. по лето 1944 г. Он связан с началом освобождения Беларуси. Характеризуется четкой координацией деятельности партизан, уже объединенных в крупные формирования, с наступающей Красной Армией. Связь с «большой землей» поддерживалась через 41 партизанский аэродром и 83 площадки для приема грузов. Число партизан на начало 1944 г. возросло до 100 тыс., а на период проведения операции «Багратион» – до 150 тыс. бойцов. Подобные силы позволяли проводить операции уже в масштабе всей республики. Наиболее ярко это можно показать на примере «рельсовой войны», когда крупные воинские операции Красной Армии согласовывались с интенсивными диверсиями на железной дороге.

Задача «рельсовой войны» состояла не только в уничтожении живой силы и техники, идущих на фронт, но более ценной в стратегическом плане была блокировка коммуникаций врага на максимально длительное время, это и было успешно выполнено практически синхронными по времени проведения диверсиями в масштабах всей республики.

За период оккупации партизаны и подпольщики Беларуси смогли создать действенную систему управления борьбой с оккупантами.

***Струтинская Н. В.* Диалог культур и межличностная коммуникация**

В условиях создания общих экономических пространств народы разных стран, носителей оригинальной культуры, контактируют

более активно, чем в иных условиях. В процессе коммуникации обычно участвуют минимум два субъекта: отправитель сообщения и получатель сообщения. В условиях межкультурной коммуникации они являются представителями различных культур.

Любая социальная коммуникация есть движение смыслов, информации в социальном пространстве и времени. Эти смыслы представляют собой результаты духовной человеческой деятельности: научные факты и концепции, интуитивно принимаемые ценностные ориентации и убеждения, идеалы и предметы веры, нормы, навыки, методы, привычки и бессознательные установки, эмоции и стимулы. Для этих целей используются вербальные и невербальные каналы.

Вербальная коммуникация требует наличия некоего уровня знания другой культуры, как минимум, знания языка, речевых оборотов. Освоение языка всегда сопровождается получением информации о культурных особенностях народа-носителя языка.

Любое вербальное сообщение сопряжено с невербальным сообщением. Значительная часть информации, передаваемой невербальными средствами, носит визуальный характер. Получаемый в результате невербальной коммуникации образ является иконическим знаком. Как отмечает Ю.М. Лотман, для получения подобного рода сообщения не требуется наличия специальных знаний и навыков: «сообщение, зафиксированное условными знаками, будет выглядеть как закодированное, требующее для понимания владения специальным шифром, между тем как иконические представляются "естественными" и "понятными"» [2, с.5].

В большинстве случаев сообщения с невербальным кодом формируются стихийно и также стихийно передаются. Иконические знаки воспринимаются в качестве единого целого. «Сталкиваясь в коммуникативном пространстве с визуальным образом, мы сталкиваемся не только с отдельным знаком, сколько с некоторым текстом, который стоит за этим визуальным образом» [1, с. 179].

Расшифровка же этого полученного в сообщении образа, визуального кода связана с системой культурных особенностей, стереотипов и архетипов в сознании человека-получателя сообщения. «Коммуникативный акт – это не простой акт передачи информации, не только акт пересечения, наложения или

несовпадения смысловых полей; это встреча взаимоотношение, взаимопознание (узнавание) разных индивидуальных картин мира. Эти картины варьируются и от индивида к индивиду, и от культуры к культуре» [1, с. 175]. Носитель другой культуры может не распознать эти коды, а может расшифровать их, исходя из особенностей своей родной культуры.

Любой невербальный код допускает многовариантные интерпретации, в том числе, диаметрально противоположные. «В какой мере условны иконические знаки, станет ясно, если мы вспомним, что легкость чтения их - закон лишь внутри одного и того же культурного ареала, за пределами которого в пространстве и времени они перестают быть понятными. Так, европейская живопись импрессионистического типа для китайского зрителя предстает как ничего не воспроизводящий набор цветочных пятен, а культурный разрыв позволяет в архаических рисунках ошибочно "разглядеть" человека в скафандре, а в ритуальном мексиканском изображении - продольный разрез космической ракеты» [2, с. 5].

Евразийский союз объединяет государства, принадлежащие к двум культурным типам: Востоку и Западу. Выделение данных культурных типов достаточно идеализировано. Страны Востока очень неоднородны по своему содержанию. Есть страны, в которых преобладает буддизм, или ислам, или христианство. Большинство государств расположены целиком в Азии, другие – частично в Европе. В одних государствах более сильная экономика, чем в других. Тем не менее, страны Востока относят к традиционному типу общества, для которого характерны тяготение к сохранению традиций в социально-культурной сфере.

Также восточный тип культуры характеризуют как высоконтекстный, коллективный [1]. Для культуры Востока характерен интуитивно-метафорический способ постижения действительность, созерцательность и аскетизм. Большое значение имеет контекст, т.е. ситуация, место и участники коммуникационного акта.

Западная культура низкоконтекстная, индивидуалистическая [1]. Для нее характерен естественнонаучный стиль мышления, активность, либерализм. В познании преобладает рационализм и формально-логические связи, однозначность и компактность. Как следствие, для западной культуры характерен прямой стиль

общения. Для государств Запада характерны быстрые изменения в социальной структуре общества, новаторство в сфере культуры. Среди конфессий преобладает христианство. Наблюдается секуляризация общества.

В мусульманских государствах роль религии значительна. Как отмечает Музыкаина Е.В., ислам пронизывает все сферы жизни верующих, как отдельно взятого представителя, так и всего сообщества. Ислам выходит за пределы догматического учения [3].

Следует отметить, что «мусульманский мир ни в коей мере не стремится к изоляционизму, отказу от существенных положительных моментов, связанных с расширением возможностей более широких культурных контактов, общения, сравнения и заимствования позитивного опыта» [4, с.71].

Итак, восточный и западный типы общества изначально имели значительные культурные различия, проистекающие из географического положения, природных условий, вероисповедания. Научно-технический прогресс и связанные с ним изменения в социальной структуре и культуре усугубили различие между культурами Востока и Запада. В западных странах наблюдается активная, интенсивная эмансипация и феминизация общества, изменения в жизни семьи. Для восточных народов подобные социально-культурные изменения, особенно такого же уровня, не характерны.

Принадлежность одного субъекта коммуникации к восточному типу культуры, а другого – западному, создает различные смысловые поля. Расшифровать одинаково код невербального сообщения можно лишь в случае принадлежности и отправителя, и получателя сообщения к одинаковой, к одной и той же среде. Данная вероятность при диалоге культур сложно реализуема. Тем не менее, эффективная коммуникация с использованием как вербальных, так и невербальных средств, вполне возможна. Государства Востока и Запада имеют много общих культурных ценностей и ориентиров. Народы Востока, так же как и народы Запада ценят доброту, труд, уважение к старшим, любовь к близким, милосердие, поддерживают семью. Моральные и духовные ценности позволяют найти общие точки соприкосновения культур Востока и Запада.

Литература

1. Кривых, Л. В. Роль визуального образа в коммуникативном акте / Л. В. Кривых // Визуальный образ (Междисциплинарные исследования) [Текст]. – М., 2008. – С. 174 – 189.
2. Лотман, Ю. М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики / Ю.М. Лотман. – Таллин, 1973.
3. Музыкина, Е. В. Конфликт идентичностей в странах западной Европы / Е. В. Музыкина // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2013.- № 12 (38): в 3- ч.- Ч. II.- С. 149-153.
4. Сеидова, Г. Н. Ислам и глобализация: за и против // Век глобализации. - 2013. - №1. – С..67-78.

Щавлинский Н. Б. Первая мировая война и национально-культурная деятельность белорусских организаций на территории России

Первая мировая война, начавшаяся в августе 1914 г., принесла белорусскому народу неисчислимые бедствия, разруху и породила такую проблему как беженство. О первых беженцах сообщала газета «Наша Ніва» уже в декабре 1914 г. [1, с.1].

Большое количество беженцев собиралось на трактатах, что вели на восток, вокруг белорусских железнодорожных станций и городов. Нередко авиация противника наносила по скоплениям беженцев бомбовые удары. Например, в 1915 г. немецкие самолеты бомбили обозы беженцев возле Лиды, Кобрина, Пружан и Слонома.

После оккупации немецкими войсками осенью 1915 г. западной части Беларуси беженство приняло массовый характер. Согласно статистическим данным в начале октября 1915 г. в тылу 4-й армии на трактате Койданово-Столбцы-Мир-Городея-Снов находилось около 35 тысяч беженцев, а в Минской губернии на 18 декабря 1915 г. их количество достигло свыше 92 тысяч [2, л.55].

Но основная масса беженцев направлялось в глубь России. По сведениям белорусского историка Н. С. Сташкевича, их число на 1 января 1917 года составило более 1, 3 млн. человек, в том числе из Гродненской – 750 680, Виленской – 164 351, Минской – 161 453, Витебской – 51 594, Могилевской – 1 964 человека [3, с.57].